

Человеческий мозг мгновенно откликается на любые внешние раздражители: зрительные образы, звуки, запахи, вкусы или прикосновения. Именно этот фундаментальный принцип лежит в основе моделирования виртуальной реальности в детекторах психического состояния.

Прибор не просто фиксирует пассивные показатели — он активно стимулирует определенные зоны коры головного мозга и считывает обратные импульсы, на основе которых воссоздает воспоминания и пережитые ранее эмоции. Иными словами, система полностью зависит от обратной связи испытуемого. Но если человек способен сознательно контролировать свои ментальные реакции, обмануть алгоритмы не составит труда: данные сканера мгновенно превратятся в фикцию.

Благодаря этому знанию Лин Ду в свое время без малейших усилий прошел проверку в Управлении по делам Омег.

Лин Ду открыл файл одного из пропавших омег, вычленил массив необработанных данных и запустил их визуализацию через терминал интеллектуального мозга. В комнате тихо загудел трехмерный проектор, развернув в воздухе объемную голографическую симуляцию.

На записи был запечатлен один из пропавших — восемнадцатилетний Гао Минжань, юноша-омега.

При росте около ста шестидесяти сантиметров он выглядел хрупким, но вовсе не слабым; в его осанке угадывалось отменное здоровье. Темно-каштановые, отливающие чаем волосы средней длины мягко обрамляли небольшое лицо с аккуратным, чуть заостренным подбородком и яркими губами. Он смотрел спокойно, его глаза были чайного цвета. На нем были простой серый свитер и темные брюки. Во всем его облике сквозила сдержанная, даже немного прохладная отстраненность — он держался вежливо, но без лишних эмоций.

Симуляция переносила его в просторную светлую кухню площадью около двадцати квадратных метров, оформленную в стерильно-белых тонах. Помимо юноши, в помещении находилась женщина-омега лет сорока. Черты лица и невысокий рост выдавали их несомненное кровное сходство.

Юноша настраивал кухонного робота для выпечки пирога, а женщина стояла чуть позади и наставительно говорила:

— Лучше бы тебе первенцем родить альфу. Тогда твой муж и вся его семья будут на седьмом небе от счастья. Он ведь столько сил и средств вложил, чтобы добиться твоей руки, и, конечно же, ждет достойной отдачи. Только если родится альфа, он почувствует себя удовлетворенным и решит, что все его траты и старания окупились сполна.

Гао Минжань даже не повернул головы к матери, продолжая сосредоточенно следить за движениями механических манипуляторов робота.

— Но мама, а если родится омега? Я ведь не могу решать это по собственному желанию.

— В таком случае тоже ничего страшного, — пожала плечами женщина. — Государство выделит субсидию, а когда ребенку исполнится пять лет, Академия заберет его на полное обеспечение. Тяжело придется только в первые годы. Но ты не переживай, я помогу тебе с младенцем.

— Понимаю. Значит, омега — это тоже неплохо. Может, мне стоит спросить у него напрямую? Вдруг он будет рад и малышу-омеге?

— Разве можно принимать слова альфы за чистую монету? — всплеснула руками мать. — Разумеется, он скажет, что дети-омегы милые и чудесные. Ответ он иначе — и его тут же заподозрят в дискриминации. Но ты подумай головой: рожая омегу, ты рождаешь его для государства. Настоящими наследниками семейного дела и имущества могут стать только альфы или беты. Какой прок без конца рожать омег? Посмотри на меня. Я родила только омег, и когда твоего отца не стало, я не смогла удержать ни гроша из его состояния. Меня просто выселили в социальное общежитие. К счастью, ты скоро выходишь замуж, и я смогу перебраться к тебе, чтобы нянчить внуков. Так что, мой дорогой, даже не думай верить этим сказкам о том, будто омега ничем не хуже альфы. Слова — это просто пустой звук, сегодня их сказали, завтра забыли. Верить можно только реальной выгоде и твердому расчету.

— Мама, как только мы поженимся, переезжай ко мне. Я буду заботиться о тебе.

— Это нарушает правила, глупыш. Вот когда у тебя родится ребенок, ты подашь официальное прошение в Управление по делам Омег, чтобы мне разрешили совместное проживание ради помощи по уходу. Только тогда я смогу переехать легально. Если я явлюсь без разрешения, меня сразу лишат государственных пособий. Нам это ни к чему.

— Мама... а я ведь быстро забеременею?

— Чем скорее ваши феромоны достигнут полной гармонии и чем ближе вы будете друг к другу в период течки, тем быстрее наступит беременность. Ты понимаешь? Тебе нужно искренне его полюбить — ведь природа феромонов не знает лжи.

Как только запись оборвалась на полуслове, Лин Ду нажал кнопку паузы.

Повернувшись к Цзинь Суйчуаню и Цао Цзяньняню, он спокойно произнес:

— Система оценки психического состояния Управления по делам Омег далеко не так совершенна, как они пытаются представить в своих отчетах. Ее базовые алгоритмы довольно примитивны.

Услышав фразу «довольно примитивны», Цзинь Суйчуань, хранивший до этого каменное

выражение лица, с интересом взглянул на подчиненного.

Цао Цзяньяннь кивнул в знак согласия:

— В самом деле. Наш спецотдел расследовал уже четыре дела, связанных с омегами, и каждый раз мы запрашивали личные файлы в Управлении. Раньше всю эту аналитику брал на себя Ай Нань, так что я никогда не утруждал себя деконструкцией их алгоритмов. Однако вчера, детально изучив новые материалы, я пришел к аналогичному выводу: их хваленая система безопасности полна уязвимостей.

— В базе данных Управления хранится колоссальный объем типовых сценариев повседневной жизни, — пояснил Лин Ду. — Наш случай — классический пример. Во время сеанса гипноза на мозг испытуемого воздействуют направленными импульсами. В ответ его подсознание выуживает из этой гигантской библиотеки наиболее близкие ему образы, воссоздавая привычную обстановку и реальные события прошлого. Система безупречно работает лишь до тех пор, пока дело касается обыденных вещей — как говорится, «ничто не ново под луною». Но стоит столкнуться с аномалией, как программа пасует. Что же касается дополнительного модуля сканирования волн психической энергии, то он ориентирован на фиксацию изменений под чужим влиянием — то есть под воздействием феромонов альфы. Однако этот юноша практически не виделся со своим женихом, его гормональный фон оставался стабильным, а любые колебания были настолько незначительны, что их можно не принимать в расчет. Если уж на то пошло, подобный мониторинг гораздо полезнее проводить среди альф.

Цзинь Суйчуань слушал с неослабевающим вниманием. Уловив в последних словах Лин Ду тонкую язвительность, он невольно залюбовался им. Кожа молодого человека была безупречно белой и гладкой, словно тончайший фарфор. Осознав, что разглядывает подчиненного слишком пристально, начальник спецотдела поспешно отвел глаза и спросил:

— И почему же именно среди альф?

— Альфы склонны к изменам гораздо сильнее, — без тени смущения ответил Лин Ду. — После физической близости на стороне их феромоны неизбежно меняют свой спектр под воздействием чужого секрета. Мониторинг омег, с одной стороны, призван выявлять случаи сексуального насилия, но с другой — служит негласным средством контроля их верности, не так ли? По закону Управление вообще не имеет права собирать и анализировать информацию подобного рода.

И Цзинь Суйчуань, и Цао Цзяньяннь на мгновение лишились дара речи. Оба они, будучи альфами, отчетливо уловили в тоне Лин Ду недвусмысленный укор в адрес своего пола.

Цзинь Суйчуань уже открыл было рот, собираясь снисходительно возразить или оправдаться, но Цао Цзяньяннь вовремя положил руку ему на плечо, предостерегающе сжав пальцы.

Начальник скосил глаза на руку подчиненного, мысленно согласился с ним и решил не вступать в гендерные споры. Сменив тему, он мягко спросил:

— Ладно, Сяо Лин, с технической стороной всё ясно. Но как именно ты определил, что все четверо подверглись ментальному внушению?

Вместо ответа Лин Ду вновь запустил голограмму, а затем поочередно вывел на экран фрагменты допросов трех других пропавших омег. Цзинь Суйчуань и Цао Цзяньяннь быстро заметили, что их виртуальные воспоминания выстроены по одной и той же схеме.

— Подобные поведенческие паттерны сами по себе еще не доказывают факт ментального вмешательства, — покачал головой Цао Цзяньяннь. — Это стандартная процедура Управления по делам Омег. Перед вступлением в брак каждого омегу опрашивают о планах на деторождение, желаемом количестве детей и их поле.

— Я знаю, — отозвался Лин Ду. — Мои выводы строятся на другом. Ни один из этих четверых ни разу не назвал своего жениха по имени. Тот, кто искренне ждет свадьбы и связывает жизнь с конкретным человеком, воспринимает его как личность, а не как безликий социальный статус или символ. Такое безразличие неестественно. Но есть и другая, куда более серьезная улика: образы их родственников в симуляциях прорисованы с пугающей, избыточной детализацией. Подобный эффект возникает лишь в одном случае — если перед сеансом испытуемым целенаправленно внушали эти образы с использованием детальных фотографий.

Цзинь Суйчуань молча и сосредоточенно вглядывался в Лин Ду, пытаясь уловить ход его мыслей.

Цао Цзяньяннь нахмурился:

— Почему ты так считаешь?

— Начальник отдела Цао, у вас есть любимый человек? — неожиданно спросил Лин Ду.

— Пока нет, — признался тот.

Лин Ду перевел взгляд на начальника спецотдела:

— Господин начальник, а у вас?

Цзинь Суйчуань слегка заерзал на стуле, устраиваясь поудобнее:

— Официально я еще не помолвлен. Но... у меня есть тот, кто мне очень дорог.

«Мог бы и не вдаваться в подробности, — подумал Лин Ду. — Мне это не слишком интересно».

Он повернулся к Цао Цзяньяню:

— Как часто вы видите со своей матерью?

— Примерно раз в неделю.

— Сможете прямо сейчас в точности нарисовать ее портрет по памяти?

Цао Цзяньянь озадаченно моргнул:

— Пожалуй... это будет непросто.

— Вот именно, — кивнул Лин Ду. — Образы тех, кто нам по-настоящему дорог, в нашей памяти объемны и изменчивы. Они состоят не только из черт лица, но и из мимики, интонаций, привычных жестов, шлейфа феромонов и общего багажа воспоминаний. Поэтому при сканировании подсознание обычного человека неизбежно колеблется, выдавая множество хаотичных, избыточных данных. Но у наших фигурантов эти ментальные следы стерильно чисты и схематичны. Это в корне противоречит той близости, доверию и готовности к самопожертвованию, которые они якобы испытывают к своим близким. Обмануть детектор на уровне подсознания самостоятельно практически невозможно. Единственное логичное объяснение — предварительное ментальное вмешательство, заблокировавшее естественные эмоциональные связи.

С этими словами Лин Ду вывел на экран необработанные двоичные логи всех четверых.

— Взгляните на исходные данные, здесь аномалия очевидна. В готовом видеофайле, прошедшем автоматическую постобработку, эти швы практически незаметны.

Цзинь Суйчуань глубоко сосредоточился, и его изумрудный взгляд потемнел.

— Твои объяснения расставили всё по местам, — не скрывая уважения, произнес он. — Ай Нань никогда не утруждал себя подобной детализацией. Он просто выдавал нам сухие выводы, предоставляя оперативникам самим искать слепые зацепки.

— Это лишь вершина айсберга, — ровным тоном ответил Лин Ду. — В логах Управления скрыто множество других нестыковок. Я детально проанализирую каждую из них и подготовлю подробный официальный отчет по всей форме.

— Добро, — согласился начальник.

— Ознакомившись с деталями дела от начальника отдела Цао, я прихожу к выводу, что нам необходимо заново проработать контакты их женихов и ближайших родственников, —

продолжил Лин Ду.

— Согласен.

— Кроме того, ключевой вопрос: где именно их подвергли ментальной обработке?

— Вероятнее всего, в Академии, — твердо произнес Цзинь Суйчуань. — Ведь они покинули ее стены всего два месяца назад.

Цзинь Суйчуань принял решение лично возглавить инспекцию в Академию Кампсиса, где обучались все пропавшие омеги. Руководство этого элитного заведения славилось своими связями в высших эшелонах власти, и любой рядовой оперативник спецотдела натолкнулся бы там на глухую стену вежливых отказов. Только его статус и происхождение могли заставить администрацию говорить откровенно.

— Господин начальник, разрешите мне поехать с вами? — неожиданно вызвался Лин Ду.

Цзинь Суйчуань удивленно приподнял бровь. Прежние штатные психоаналитики-профайлеры спецотдела терпеть не могли полевую работу, предпочитая безвылазно сидеть в уютных кабинетах за экранами терминалов.

— Разумеется, поехали, — улыбнулся он. — Честно говоря, я думал, что затащить психоаналитика-профайлера на выезд — невыполнимая задача.

— Личное присутствие на месте дает гораздо больше пищи для размышлений, чем сухие файлы, — спокойно парировал Лин Ду. — Профайлинг не может существовать в отрыве от анализа среды обитания субъекта. Наш характер и ментальное состояние формируются под влиянием окружения. Человек и среда — это единая, неразрывная система.

Цзинь Суйчуань искренне рассмеялся:

— Теперь я понимаю, почему тебя так стремительно перевели к нам из районного отделения. Это абсолютно заслуженно.

«Неужели его втянули во что-то еще? — Лин Ду почувствовал, как к горлу подступает холодная тревога. — Что, если дело вовсе не в покушении на Ян Синъи, а в чем-то гораздо более опасном?»

При упоминании о переводе Лин Ду невольно посуровел. Его брат, Лин Цюань, без сомнения, был блестящим специалистом и успел совершить немало карьерных прорывов. Но как такой

прагматичный и осторожный профессионал мог совершить столь роковую глупость, из-за которой теперь бесследно исчез? Неужели его жизнь оборвалась? Или его держат в каком-то секретном застенке?

Перед выездом в Академию Кампсиса Цзинь Суйчуань распорядился подготовить официальные предписания и лично проконтролировал, чтобы все оперативники закрепили на одежде портативные блокираторы феромонов. Лишь после этого группа погрузилась в служебный броневоз и взяла курс на северную окраину столицы.

Время перевалило за полдень, а пообедать никто так и не успел. Чтобы не терять драгоценные минуты, оперативники захватили с собой пайки прямо в машину.

Пока напарники наперегонки уничтожали содержимое контейнеров, Лин Ду, устроившийся на заднем ряду просторного семиместного салона, ел подчеркнуто неторопливо. Он пережевывал каждый кусочек с такой тщательностью, будто находился на светском приеме, а не в трясущемся броневике. В итоге, когда все уже давно отложили пустые коробки, он все еще продолжал свою трапезу.

Собирая пустую посуду, Фань Пэн с улыбкой посмотрела на юношу:

— Сяо Лин, ну и выдержка у тебя. С такими привычками гастрит тебе точно не грозит.

Лин Ду поднял глаза и, заметив, что все выжидающе смотрят на него, смутился и потянулся положить палочки. Однако сидевший впереди Цзинь Суйчуань обернулся и мягко остановил его:

— Не обращай на нас внимания, Сяо Лин. Ешь спокойно, в своем темпе. Мы все равно в дороге, спешить некуда.

— Шеф, когда я в прошлый раз затянула с обедом, вы мне совсем другие вещи говорили, — притворно надулась Фань Пэн. — Чистой воды дискриминация и двойные стандарты!

Лин Ду перевел растерянный взгляд с Фань Пэн на начальника. Тот лишь хмыкнул и с невозмутимым видом парировал:

— Сяо Лин у нас красавец, так что ему положены привилегии. Возражения есть?

В салоне на секунду воцарилась тишина, после чего оперативники дружно расхохотались.

— Никаких возражений, босс, — весело откликнулась Фань Пэн.

«Когда брат вернется, мне придется в мельчайших деталях пересказать ему всё, что произошло за это время, — размышлял Лин Ду, аккуратно складывая приборы. — Иначе, возвращаясь в команду, он обязательно проколется на какой-нибудь мелочи».

Сам виновник перепалки никак не отреагировал на шутки, спокойно продолжая обедать под мерный гул мотора.

Как только Лин Ду закончил с обедом, Фань Пэн заговорщически протянула ему крупное спелое яблоко из своих личных запасов:

— Держи, Сяо Лин. Давай по яблочку на десерт.

— Эй, а нам? — шутливо возмутился Цао Цзяньян. — Почему нам не положено фруктов?

— Потому что вы лицом не вышли, — безжалостно отрезала Фань Пэн. — Сладкое заслужили только самые красивые. Смиритесь с этим.

Цао Цзяньян демонстративно похлопал Цзинь Суйчуаня по плечу:

— Шеф, вы слышали? Она и вас только что в уроды записала.

— Довольно паясничать, — оборвал их Цзинь Суйчуань, хотя в уголках его глаз притаились смешинки. — Мы на задании, соберитесь.

Суровый тон командира мгновенно возымел действие — в машине сразу стало тихо.

Когда броневик затормозил у южных ворот Академии Кампсиса, серое небо снова разразилось унылой изморосью.

По обе стороны от въезда высились два вековых куста кампсиса — редкого, не поддавшегося генетической модификации сорта. Их могучие, узловатые стебли плотно оплетали массивные бетонные колонны и узорчатую арку ворот. Под каплями дождя крупные, похожие на граммофоны цветы полыхали тревожным, кроваво-красным цветом.

Академия Кампсиса гордилась своей двухвековой историей. В эпоху зарождения она была лишь скромным пансионом, где юных омег обучали светским манерам и ведению домашнего хозяйства. Однако за последний век все изменилось. С развитием технологии внематочного вынашивания традиционная беременность ушла в прошлое — мало кто из граждан Империи Чжоу соглашался добровольно жертвовать временем, карьерой и здоровьем ради естественных родов. Но у искусственного воспроизводства обнаружился фатальный изъян: выращенные в лабораториях эмбрионы неизменно развивались в бет. Рождаемость альф и омег катастрофически упала, из-за чего доля омег в общей популяции сократилась до критического минимума.

Чтобы спасти популяцию от вырождения, правительство запустило масштабную программу так называемого защищенного воспроизводства. Государство брало омег под опеку буквально с пеленок, выплачивая им щедрые пожизненные субсидии. Взамен от них требовалось лишь одно — беспрекословно выполнять свой долг перед родиной, рожая новых альф.

В официальных документах эта стратегия именовалась государственной программой селективного деторождения. Благодаря щедрому финансированию Академия Камписиса превратилась в крупнейший закрытый распределитель и интернат для омег.

Такова была парадная вывеска. Однако Лин Ду прекрасно понимал: верить этим приторным лозунгам мог только законченный глупец. За красивыми словами о защите и поддержке скрывалась суровая реальность тотального контроля.

Служебный броневик мягко затормозил перед глухими стальными воротами, которые преграждали путь на закрытую территорию Академии.

<http://bllate.org/book/20623/2132757>